

Нет ничего невозможного. Вопрос о возможности — это вопрос о средствах. Когда что-то кажется невозможным, это означает отсутствие или необходимого ресурса, который следует сформировать, или решимости его применить. Во втором случае некий пакет действий считается неприемлемым ввиду представлений о его радикальности. То же, что считать радикальным, определяется, как правило, принятыми идеологическими установками.

Эти методологические оговорки необходимы для решения задачи изменения тренда демографического угасания России, депопуляции с перспективой цивилизационной смерти. Как кажется многим, ничего с этим сделать нельзя, побудить к высокой детности современного человека невозможно. Предпринимаемые с 2006 года в рамках демографической политики России действия ситуации не исправили. Весь мир с разной скоростью идёт в том же направлении, что и Российская Федерация. Из чего и следует выносимый вердикт: невозможно. Вот тут и важна отсылка к методоло-

гической преамбуле: невозможно — в рамках принятой системы нормальности. А попробовались ли радикальные рецепты? Очевидно, нет, так как они считаются неприемлемыми. Важно тогда оценить оправданность применения радикальных средств исходя из перспектив развития демографической ситуации в России. Диагноз "Россия вымирает" должен снять табу с радикальных средств, так как и сама проблема предельно радикальна: угроза цивилизационной и геополитической смерти.

Осмысление 80-летия Великой Победы даёт возможность акцентировать одно из ключевых в рамках демографической проблематики положений — Россию как популяционную общность пытались убить. Принятие в 2025 году формулировки "геноцид советского народа" на законодательном уровне делает положение о намерении цивилизационного убийства юридическим фактом. Намерение такое было, оно есть и, главное, — оно реализуется, пусть и другими приёмами, чем те, которыми пользовались оккупационные власти в период Великой Отечественной войны.

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ГЕНОЦИД

В год 80-летия окончания Великой Отечественной войны, анализируя факторы Победы, необходимо в качестве одного из важнейших её факторов указать на фактор демографический. От численности населения зависит численность армии и количество рабочих рук, а соответственно, демографические ресурсы всегда являлись важнейшим военным фактором. Трудно поверить сегодня, что СССР в довоенный период из всех значимых геополитических государств мира занимал первое место по показателю рождаемости. "Мильоны — нас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы", — писал в 1918 году Александр Блок в перспективе актуального столкновения России и Европы. После фиксации "тьмы" против "миллионов" следовали слова: "Попробуйте, сравнитесь с нами!"

Демографические преимущества СССР понимали и в Германии, и этот фактор, судя по высказываниям нацистского руководства, его особенно сильно беспокоил. К началу войны Советский Союз имел численность населения 198,7 млн человек. Около 20 млн дали присоединённые в предвоенный период западные территории. Германия явно уступала — 70,2 млн человек. Но если подчитывать вместе со всеми европейскими сателлитами и населением присоединённых территорий — выходило несколько более 200 млн. Совокупные силы оказывались примерно равны. Но по уровню консолидации населения, самосознания единой идентичности Советский Союз имел безусловное преимущество. Государствообразующее ядро советской общности — русский народ — имел, по данным переписи 1939 года, численность в 99,6 млн человек, что было выше численности этнических немцев почти на 30 млн.

Нацистское руководство мыслило в мальтузианских параметрах и понимало, что в разрезе столкновения демографических потенциалов Германия проигрывала. Но отсрочка "большой войны" шансы её только понижала. По данным на 1923 год, когда родились те, кому в 1941 году исполнилось 18 лет, суммарный коэффициент рождаемости в Германии составлял 2,62 рождений. В СССР в том же году он имел показатель 6,68 рождений — кажущийся немыслимым при современной малодетности. В последующие годы и в Германии, и в Советском Союзе показатели рождаемости устойчиво снижались, что соответствовало в целом описанию уже выдвинутой тогда теории демографического перехода. Минимальный суммарный коэффициент рождаемости в Германии в этот период фиксируется в 1933 году — 1,58, в СССР в 1934 году — 3,8.

Далее, вопреки теории демографического перехода, следовал подъём. И германское, и советское руководство приняло комплекс мер, направленных на повышение численности населения, что дало определённые результаты.

К началу Второй мировой войны в 1939 году суммарный коэффициент рождаемости в Германии составлял 2,39 рождений, в СССР — 4,98. Советский Союз при пролонгации соответствующих демографических тенденций уходил бы в отрыв. Уходил он в отрыв не только от Германии, но и от других ключевых геополитических акторов мира, включая США. Причём высокий суммарный коэффициент рождаемости в СССР обеспечивался за счёт не только национальных окраин, но и русского демографического ядра. Среди русского населения он составлял накануне войны 4,9 рождений.

Отсюда — и гитлеровская идея войны на уничтожение, поставленная в качестве стратегического ориентира военной кампании на востоке. Помимо установок ксенофобии и расизма, которые нельзя снимать со счетов, был в ней и скрытый прагматический расчёт демографического соперничества. В понимании Гитлера противостояние с историческими врагами на востоке — русскими, славянами в целом, "азиатским варварством" — не будет успеш-

ным без подрыва демографической базы врага.

Особое внимание тема демографических войн занимала в риторике рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера. Во время своего визита в Харьков в апреле 1943 года, то есть уже после фиаско Сталинградской битвы, рейхсфюрер рассуждал о войнах Европы с Азией в прошлом и будущем, акцентируя внимание на численном соотношении сил. О реалиях продолжающейся войны он говорил в перспективе войн будущих. Возможно, Гиммлер считал, что нынешняя война Германией уже проиграна. Но следовало, согласно его рассуждениям, создать задел для войн будущего, максимально подорвав демографические потенциалы противника. Достигнуть этого было возможно в его логике путём физического

уничтожения вражеского населения. Подрыв демографических потенциалов, пусть и не в тех масштабах, как замысливалось нацистским руководством, действительно произошёл.

ВОЙНА НЕ ОКОНЧЕНА

Демографическая политика Третьего рейха на оккупированных территориях хорошо известна. Она сводилась к двум целевым ориентирам — снижению численности населения общности противника и ослаблению его консолидированности. Для этого использовались следующие средства: распространение абортов, установление упрощённой процедуры разводов, пропаганда малой детности, разрушение системы здравоохранения, сокращение численности врачей, снятие половых запретов, предоставление свободы религиозного выбора, уравнивание традиционных религиозных общностей с сектами. Но чем всё это отличается от реалий постсоветского периода? Рецептура плана "Ост" была практически реализована без войны в её классическом понимании. И война в этом смысле не была окончена в 1945 году. Она была продолжена другими средствами. Врага можно убивать физически. А можно действовать иначе: внушить врагу отказаться от самовоспроизводства, убедить не рожать детей, а пожить для себя. Результат в обоих случаях будет один — депопуляция противника. Второй способ даже выглядит более предпочтительным, так как снимает моральные обвинения в геноциде.

УГРОЗА ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ СМЕРТИ

В настоящее время Россия, будучи по-прежнему крупнейшим государством, занимает только девятое место по численности населения. Ещё 50 лет назад РСФСР находилась на четвёртой позиции, уступая по этому показателю лишь Китаю, Индии и США. При совокупном же учёте всего населения СССР советская популяция опережала американскую. Однако к концу тысячелетия Россию обошли Индонезия, Бразилия, Пакистан, Нигерия, Бангладеш. Бангладеш в этом перечне особо показателен.

Согласно долгосрочному прогнозу ООН, к 2050 году Российская Федерация по показателю численности населения будет находиться на 14-й позиции в мире, а в 2100 году — на 20-м месте. Станет ли стражающее от перенаселения мировое сообщество спокойно витать на малозаселённую, богатую природными ресурсами Россию? Следует прогнозировать выдвигание со временем требований о "справедливом" перераспределении принадлежащей всему человечеству территории земного шара в соответствии с численностью населения.

Уже сейчас плотность населения в азиатской части Российской Федерации, составляющей 75% территории страны, не превышает 3 человека на 1 кв. км. Между тем на 1 кв. км в США проживает 29 человек, а в Европе и вовсе 119.

Данные тенденции означают фактически для России геополитическую смерть. Очевидно, что, имея крупнейшую территорию в мире и находясь при этом лишь на 20-м месте по численности населения, российское общество удержат свою суверенную территорию будет не в состоянии. Причём выход даже на уровень суммарного коэффициента 2 (сейчас официально — 1,4) — простого естественного воспроизводства — ситуацию

принципиально не исправит и от геополитической гибели в перспективе не спасает. Выживание России требует достижения гораздо более высоких показателей рождаемости. Это гипотетически возможно только при восстановлении многодетных семей в качестве общественной нормы. Возможно ли это? Скорее нет, чем да. Но такое восстановление есть единственный шанс самосохранения России, и потому он должен быть непременно использован.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КАК ДЕЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ СОЗНАНИЯ

Сам факт появления понятия демографической политики в России стал результатом серьёзного идеологического противоборства. Только с 2006 года понятие было привнесено в государственный дискурс. До этого преобладала либеральная позиция, согласно которой вмешательство государства в демографические процессы считалось неприемлемым. Неприемлемым этически, так как затрагивает частную жизнь человека, и научно, так как изменить тренды падения рождаемости было якобы невозможно. Таким образом, сама по себе институционализация демографической политики была связана с делиберализацией.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ НАУКА ПРОТИВ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО СПАСЕНИЯ: ЛИБЕРАЛЬНЫЕ МИФЫ ДЕМОГРАФОВ

Сохраняющаяся депопуляция формирует запрос на качественно иную демографическую политику. Для этого нужна соответствующая демографическая теория. Однако доминируют в демографии подходы прямо противоположные такого рода задачам. Суть этих подходов сводится к утверждению, что депопуляция России есть естественный процесс и изменить ситуацию не получится. Фактически официальная демографическая теория выступает в противоречие с повесткой государственной политики.

Обоснование естественности и фатальности снижения репродуктивных потенциалов при переходе к современному западному типу воспроизводства (низкая смертность и низкая рождаемость) было представлено в рамках теории демографической модернизации. Снижение репродуктивности преподносилось в ней как неизбежное следствие урбанизационных процессов и вступления в фазу индустриального развития. Характерно, что сама концептуализация тезиса о демографическом переходе ("демографической революции", "демографической модернизации") в трудах Леона Рабинови-

ча, Адольфа Ландри, Уоррена Томпсона пришлась на конец 1920-х — начало 1930-х годов, время казавшегося необратимым кризиса репродуктивности на Западе. История не замедлила опровергнуть фаталистов. Наступившая в скором времени эпоха беби-бума дезавуировала все их прогнозы и теоретические построения.

Но для постсоветской России теория демографического перехода стала фактором политическим. Феномен стремительной российской депопуляции получил образное определение в публицистике в качестве "русского креста" (пересечение снижающейся кривой рождаемости и возрастающей кривой смертности). Однако либеральные демографы ставили под сомнение сам факт разыгравшейся человеческой трагедии. Полагая, что достижение состояния современного воспроизводства населения является "столбовой дорогой" развития человечества, они объясняли депопуляцию в России и странах, близких к ней по характеру социально-экономического развития, результатом объективных тенденций снижения детности в современном мире. Никакое "русского креста" будто бы нет, а есть объективно заданный переход к малодетному современному типу репродуктивного поведения. Репродуктивное угасание интерпретируется ими как следствие повышения качества жизни и индустриально-урбанистической трансформации. Посредством установления данной связи проводилась мысль о рудиментарной сущности феномена многодет